

Облачённый в снежно-белую соболью шубу, Юнь Тао спросил его, не хочет ли тот вернуться, но он упрямо заявил, что всё в порядке, и молча запустил циркуляцию внутренней энергии для защиты от холода.

Рыбы в реке водилось немало, но удача не сопутствовала обоим, и после долгой ловли они вытащили лишь одну, да и ту поймал Юнь Тао.

Тан Сяоу нашёл место, защищённое от ветра, развёл огонь, кое-как поджарил рыбу, подогрел вино и разделил трапезу с Юнь Тао.

Беспокоясь, что Юнь Тао может остаться голодным, Тан Сяоу съел поменьше. Не знал он, то ли из-за компании Юнь Тао, но эта скромная еда показалась ему невероятно вкусной, полной прелести жизни на природе.

После еды они ещё немного поболтали, затем с сожалением попрощались.

Вернувшись в горы, Тан Сяоу обнаружил, что обеденное время уже прошло. В его отсутствие кухня не оставила ему еды. В храме Саньшань питались дважды в день: один раз после утренних занятий и один раз днём. Пропустив дневную трапезу, ему пришлось терпеть до следующего дня.

Та жареная рыба у реки, хоть и с минимумом приправ, была поистине восхитительна! Рядом с Юнь Тао он каким-то образом раскрыл весь свой кулинарный талант и зажарил её до золотистой хрустящей корочки...

Вспомнив о золотистой хрустящей корочке, Тан Сяоу резко вскочил с постели, достал оставшийся пакет солёно-сладких лепёшек с овощами и съел одну. Не почувствовав вкуса, он, однако, не смог остановиться и съел несколько штук подряд, пока его рот не наполнился насыщенным солёно-ароматным вкусом.

С горечью он подумал, что кулинарное искусство Бай Иньфэна всё же больше соответствует его вкусу! Видимо, его собственная еда пропиталась кухонным чадом, оттого и не имеет такого вкуса.

Наевшись на семь-восемь десятых, он вдруг обнаружил, что лепёшек почти не осталось. Тщательно пересчитав три раза, он выяснил, что осталось одиннадцать штук. Если экономить, можно растянуть ещё на три раза.

Он с досадой подумал:

— Знал бы раньше — не стал бы брезговать, взял бы побольше и унёс в большой посуде. Те, что я оставил, Бай Иньфэн, наверное, раздал другим. Настоящее расточительство!

Юнь Тао сказал, что в ближайшие дни у него не будет времени. Самому же Тан Сяоу в храме Саньшань делать нечего, так что стоит навестить А-Фэна. Непонятно, как у Юнь Тао, сына князя и не наследника титула, находится столько дел.

Ему хотелось вернуться вместе с Юнь Тао, чтобы посмотреть, не нужна ли помощь, но Юнь Тао каждый раз вёл себя крайне осторожно, словно боялся, что за ним следят. Чтобы не давать повода для недопонимания, Тан Сяоу не настаивал. И не знал он, заметил ли Юнь Тао его открытый и прямодушный характер.

...

В середине двенадцатого лунного месяца праздничная атмосфера в столице начала сгущаться. В город прибывало всё больше мелких торговцев, везущих новогодние товары, и всё больше людей запасалось провизией к празднику. На лицах у всех сияла радость, за исключением тех путников, что не могли вернуться домой.

Люди в торговом караване в последнее время становились всё молчаливее, и Бай Иньфэну тоже не особо хотелось там оставаться. Он отличался от других: в столице он не был одинок, домом для него было место, где находился Тан Сяоу, а семья Бай была всего лишь временным пристанищем.

Наконец прибыл пятый дядя Бай Иньфэна, Бай Динюань, привезя с собой письма от семей членов их торгового каравана. Его появление принесло надежду всей команде.

Бай Иньфэн спросил Бай Динюаня, можно ли возместить счёт за серебро, выданное ему на полмесяца раньше срока. Бай Динюань ответил с необычайной готовностью:

— Когда мы закончим дела и вернёмся в семью Бай, сколько ты потратил — обязательно возместим в двойном размере!

— Мне не нужно в двойном размере. Буду благодарен, если просто вернёте мне серебро, которое я авансировал.

Семья Бай славилась своей скупостью в отношении подчинённых. В таких случаях, когда приходилось вкладывать свои деньги, компенсацию обычно объединяли с наградами, что незаметно уменьшало итоговую сумму.

Более того, за непредвиденные расходы, вроде болезней, обычно отвечали сами слуги, поэтому Бай Иньфэн спросил почти без надежды, а Бай Динюань раздавал пустые обещания, ведь письменного обязательства не требовалось.

Бай Динюань уловил в его словах недовольство семьёй Бай. Взгляд его дрогнул, и он похлопал племянника по плечу:

— Пятый дядя знает, как ты трудился и каких достиг успехов. Все эти годы твоя законная мать не уделяла тебе внимания, никто и не думал, что в нашей семье Бай найдётся такой талант, как ты. Если бы не ты, наш караван вообще не добрался бы до столицы! Перед моим отъездом я уже отчитал госпожу Чжао, велел ей поскорее женить тебя. Она говорит, что присмотрела для тебя девушку из семьи Лян, миловидную и статную. Вернёшься домой — и сыграешь пышную свадьбу.

Семья Лян была той самой семьёй местных богачей, о которой Бай Иньфэн уже слышал.

Если бы он не встретил Тан Сяоу, такие слова Бай Динюаня, вероятно, успокоили бы его. Но, увидев неземную красоту лица Тан Сяоу и услышав, как тот говорит, что присмотренная для него девушка обладает безупречным происхождением и внешностью, Бай Иньфэн невольно задумался.

— Что такое? Не нравится?

Бай Динюань слышал, что Бай Иньфэн ранее уже отказывался от брачной сделки. Тогда все сочли его слишком заносчивым и не придали его словам значения. Позже, узнав, как он в одиночку сражался с разбойниками и легко одолел сильного противника, многие пожалели. Не знал Бай Динюань, не поздно ли теперь попытаться его приручить.

— Если у тебя есть кто-то на примете, лишь бы подходила по статусу, пятый дядя поддержит тебя.

Бай Иньфэн помолчал, затем произнёс:

— Пока никого нет. Разве что найдётся такая же красивая, как мой брат — тогда можно будет подумать.

Бай Динюань фыркнул, и в его смешке прозвучала насмешка, будто он не считал, что мужчина может быть настолько хорош собой. Мол, Бай Иньфэн мало видел в жизни, раз выдвигает такие требования.

— Это просто! Как-нибудь приведи своего брата, покажи пятому дяде. Я тебе таких найду — сколько захочешь!

Он рассмеялся открыто, но окружавшие его слуги замерли в гробовой тишине, глядя на него, как на дурака.

Бай Динюань ожидал, что его слова вызовут хотя бы одобрительные возгласы, но вместо этого столкнулся с ледяным молчанием. Он обратился к ближайшему слуге:

— Хэйгоуцзы, чего молчишь?

Хэйгоуцзы забормотал, запинаясь:

— Господин У... Брат господина Иньфэна... он выглядит как небожитель с картины, такое существо только на небесах бывает... Такого... такого второго просто не найдётся.

Бай Динюань с недоверием посмотрел на Бай Иньфэна. Тот кивнул, подтверждая слова, и добавил:

— Пятый дядя, раз уж вы прибыли, будет просто замечательно, если руководство караваном перейдёт к вам. Мои дела уже завершены, и с этого момента я ничего не должен вашей семье Бай.

Сказав это легко и непринуждённо, он сложил руки в прощальном жесте, взял свой узелок и направился к выходу.

Бай Динюань испугался и поспешно воскликнул:

— Погоди!

Когда Бай Иньфэн остановился, лицо Бай Динюаня за несколько мгновений преобразилось, после чего на нём расцвела улыбка:

— О чём бы ни шла речь, поговори со своим дядей по-хорошему, дядя за тебя постоит. Давно мы с племянником не беседовали по душам, выпьем сегодня пару чашек?

Как гласит поговорка, на улыбающееся лицо кулак не поднимаешь. Даже твёрдо решив уйти, Бай Иньфэн не мог отказать Бай Динюаню в его добрых намерениях.

Он не знал, что ещё до приезда Бай Динюаня в семье договорились во что бы то ни стало удержать Бай Иньфэна. В конце концов, нанять телохранителя на реке Цзянху стоит минимум сто лян серебра в месяц.

Своему же человеку столько платить не нужно, тем более если он побочный сын. Можно просто следовать порядку продвижения побочных детей в семье: раз заслуги — повышаем жалованье. В любом случае, после нескольких повышений месячное содержание составит всего двадцать-тридцать лян. Если девушка из семьи Лян ему не нравится, можно найти другую, которая понравится, и договориться о браке.

Бай Динюань повёл Бай Иньфэна в ближайшую винную лавку. Сначала он восстановил эмоциональную связь, вспомнив, как навещал Бай Динси, когда Бай Иньфэн был ещё маленьким сопляком. Затем осудил госпожу Чжао за то, что та его игнорировала. И наконец, с отеческой заботой перечислил все милости, которые семья Бай ему оказала, даже пообещал выплатить из своего кармана деньги, которые тот потратил на лекарства для других.

Кого угодно такие слова, вероятно, растрогали бы и заставили согласиться, но Бай Иньфэн лишь качал головой, твёрдо настаивая, что хочет отправиться с братом странствовать по реке Цзянху.

Бай Динюань опешил. Хотя и было решено удержать Бай Иньфэна, семья Бай не планировала вкладывать много ресурсов в простого воина. Если бы подвиг совершил Бай Иньсун, награда от семьи Бай точно составила бы не меньше тысячи лян. Что ж, винить можно лишь в том, что Бай Иньфэн — побочный сын, да и чиновничью карьеру не сделал.

Бай Динюань вздохнул:

— Пока лбом об стену не стукнешься — не одумаешься. Ты думаешь, река Цзянху — это так просто? Пусть ты сейчас побочный сын, но если будешь усердно трудиться, возможно, семья Бай когда-нибудь даст тебе возможность проявить себя, выделит средства на дело. Но если уйдёшь сейчас, а потом вернёшься, придётся начинать всё с нуля. К чему такие страдания?

— Я и так человек реки Цзянху, сейчас я просто возвращаюсь в свою стихию. Возвращение в семью Бай изначально было ошибкой, и я не хочу продолжать её совершать.

Раньше он не знал, через какие страдания прошла его мать. Вернувшись в семью Бай, он узнал, что трагическая судьба матери — целиком дело рук его отца. Изначально он оставался в семье Бай лишь ради поисков Тан Сяоу. Теперь, когда он его нашёл, оставаться дальше — боялся, что мать явится ему ночью во сне и будет бранить.

В конце концов они разошлись, не достигнув согласия.

<http://bllate.org/book/15610/1393527>